

004615846

На правах рукописи

Ханесев Максим Вячеславович

**ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИЧЕСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ
АФГАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Специальность 23.00.02 – политические институты, процессы и
технологии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Москва – 2010

- 9 ДЕК 2010

Работа выполнена на кафедре национальных и федеративных отношений Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации»

- Научный руководитель : доктор исторических наук, профессор
Гаврилов Юрий Николаевич
- Официальные оппоненты : доктор политических наук
Хасанов Рахим Каримович
- : кандидат исторических наук,
Лалетин Юрий Павлович
- Ведущая организация : **Институт Востоковедения РАН**

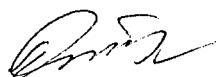
Защита диссертации состоится 30 ноября 2010 года в 15.00 часов на заседании Диссертационного совета Д-502.006.14 при РАГС по адресу: 119606, г.Москва, пр.Вернадского, 84, 1-ый учебный корпус, аудитория № 2300.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке РАГС (1-й учебный корпус).

Автореферат разослан «28» ноября 2010 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
доктор юридических наук, профессор

Л.Ф.Болтенкова

1. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования определяется становлением новой системы международных отношений, экономической глобализацией и усилением взаимозависимости мира, при которых положение в любом его уголке оказывает влияние на ситуацию на всем земном шаре. Все большее влияние на развитие человечества оказывает обстановка в наименее развитых государствах, поскольку нестабильность военно-политической обстановки в них может иметь далеко идущие последствия.

Наглядный пример тому Афганистан, переживающий один из самых разрушительных и опасных вооруженных конфликтов современности. Гражданская война привела к фактической дезинтеграции афганского общества и распаду государства как политической институции. Одно из важнейших проявлений указанных процессов – отсутствие эффективной центральной власти и сохраняющийся раскол страны по этническому признаку.

Продолжение гражданской войны в течение более 20 лет свидетельствует о глубине противоречий и накале напряженности в сфере межэтнических отношений. Национальный вопрос представляет собой одну из ключевых и нерешенных проблем социально-политической жизни страны. Кризис в этой области уходит своими корнями в глубь истории афганского государства. Изучение этнонациональных составляющих гражданской войны в Афганистане позволит очертить перспективы ее динамики.

Этнополитические процессы оказывают самое непосредственное влияние на государственное развитие любой страны. Адекватная оценка их тем более актуальна, что в настоящее время происходит строительство новой афганской государственности. В этих условиях первостепенное значение приобретает анализ важнейших черт афганского государства в контексте этнической ситуации на протяжении предыдущих двух с половиной столетий. Пуштуноцентризм созданного афганскими племенами государства вплоть до 1978 г. в значительной мере обеспечивался и поддерживался в обществе благодаря лояльности племен восточного региона правительству Кабула. Массовый отток афганцев в Пакистан привел к уменьшению среди населения доли пуштунов, составлявших ранее

более половины жителей Афганистана. Это нарушило баланс в отношениях между пуштунами и этническими меньшинствами, что углубило политический кризис, поскольку такая ситуация значительно ослабила пуштуноцентризм Афганистана и устойчивость его центральной власти и ставит на повестку дня вопрос об изменении структуры государственной власти, а, возможно, и государственного устройства. Все это в совокупности может иметь далеко идущие геополитические последствия, которые скажутся на окружающих Афганистан странах.

Исследование этнополитических процессов в Афганистане позволит также сделать выводы о специфике социального взрыва и о роли в его возникновении этнонациональных факторов.

Степень научной разработанности темы. Монографий на данную тему не существует. Немногие работы, посвященные интересующей нас проблеме, освещают главным образом вопросы этнографии отдельных народов и этапы их социально-политической истории. Тем не менее, к настоящему времени сформулирован ряд положений концептуального характера, которые могут послужить элементами модели этнонациональной сферы в Афганистане.

Одним из них стал тезис о многообразии этносов, проживающих на территории Афганистана. Значительное число исследователей обращало внимание на влияние на эту ситуацию географических (И.М.Рейснер, А.В.Логинов, Ю.В.Босин) и исторических факторов (А.А.Поляк, Ю.В.Босин).

Давно известно, что создание государства племенным объединением абдали привело к занятию его ханами ключевых постов и особому положению племен в государстве. Данными обстоятельствами объясняется и доминирование пуштунов. Поэтому многие авторы, начиная с М.Эльфинстона, верно отмечали неравноправное положение пуштунов и других национальностей. Действительно, завоевательная политика афганцев сопровождалась захватом лучших земель, обложением местного населения более высокими налогами и т.п. Особенно ярко это проявилось в конце XIX в., о чем пишет афганский автор Б.Кушкеки, а также все исследователи, изучавшие историю отдельных народностей страны (И.М.Рейснер, В.А.Ромодин, Ю.В.Ганковский, Ю.В.Босин, Р.Махмадшоев, Х.Хашимбеков и др.). Дискриминация этнических меньшинств была обычной практикой афганских властей. Американский исследователь Д.Н.Вилбер справедливо указывает на существование «лестницы этнической

иерархии». На пропустунский характер политики правительств обратил внимание и другой современный автор – Дж.Гриффитс.

Один из выводов Ю.В.Босина состоит в тезисе об изменении в ходе гражданской войны соотношения численности пуштунов и непуштунов в пользу последних. Представляется, однако, что положение о резком уменьшении численности пуштунов в результате перемещения большого их количества в Пакистан в качестве беженцев нуждается в определенной корректировке, поскольку положение стало меняться после вывода советских войск. Кроме того, на сегодняшний день нет точных данных о численности населения в целом и отдельных этносов. Однако в 80-х годах прошлого столетия эта ситуация действительно углубила политический кризис, поскольку вызвала таковой и в межэтнических отношениях (А.Ю.Умнов) и поставила под угрозу пуштуноцентризм афганского государства. (М.Варис).

Целый ряд интересных выводов был сделан исследователями относительно пуштунских племен. Значительную помощь при изучении племенной организации оказали методологические замечания о природе племени, содержащиеся в работе М.А.Хрусталева «Гражданская война в Таджикистане: истоки и перспективы. Исследование ЦМИ МГИМО №11» (М., февраль 1997 г.). Что касается собственно пуштунских племен, то практически все авторы говорят о большой их силе, о том, что они составляли известный политический противовес Кабулу, чему во многом способствовало проанализированное И.М.Рейснером приобретение племенем черт военной организации. Очень важное замечание о племенах еще применительно к периоду существования державы Дуррани сделал Ю.В.Ганковский, отметивший, что они были политическими образованиями, выступая способом организации политического пространства.

Большой вклад в разработку данной темы внес современный французский ученый О.Руа, выдвинувший и обосновавший тезис о живучести основанного на отношениях родства и патронажа местного сообщества (каума), приверженность которому составляет основной мотив поведения человека. Эта идея широко используется в диссертации. Базирующийся на указанных отношениях также и институт хана настолько прочно вошел в политическую жизнь страны, что стал характеризовать статус падишаха (И.Е.Катков) и даже позицию руководства страны по отношению к иностранным государствам (Б.Рубин).

Все рассмотренные выше концепции использовались автором при анализе тенденций этнополитического развития Афганистана.

Объект исследования – этнополитические процессы в Афганистане и их взаимосвязь в свете эволюции различных факторов, предопределявших становление и развитие афганской государственности.

Предмет исследования – титульный этнос и нацменьшинства, населяющие Афганистан, их организационная структура, влияние племенной организации пуштунов на политическое строительство в Афганистане.

Рабочая гипотеза исследования построена на предположении, что в основе существующего межэтнического конфликта и фактического разложения института государственной власти в Афганистане лежит историческая действительность, базирующаяся на практике покорения титульным этносом (пуштунами) других этнических групп и коллективная память племен, согласно которой доминирующая роль в государственном строительстве принадлежит исключительно пуштунам. Действительность, основанная на факторах экономического и внутривнутриполитического развития, иностранного вмешательства и др., продемонстрировала нежелание и неспособность нацменьшинств противостоять гегемонии титульного этноса, а главное – перерастание проблемы в длительную этническую конфронтацию в рамках границ Афганистана.

Цель исследования – выявить на основе изучения фактического материала суть и состояние национальных проблем в Афганистане, особенности развития основных процессов в этно-национальной сфере и их влияние на политическую систему, исследовать основные узлы противоречий в данной области и определить на этой базе потенциал этнических группировок и факторы, способствующие продолжению современного конфликта, что позволит прояснить перспективы окончания войны и наметить возможные пути урегулирования.

Задачи исследования:

- выявить географические, историко-политические, социально-экономические и культурные предпосылки этнической общности Афганистана, а также географические и этнические факторы слабости государственной власти в стране;
- рассмотреть создание афганскими (пуштунскими) племенами собственного государства и выявить его конкретно-исторические особенности, в частности, сохранение им черт союза племен;

- проанализировать племенную организацию и ее отражение в политической системе Афганистана;
- исследовать противоречие между пуштуоцентризмом афганского государства и ослаблением титульного этноса;
- проследить историю возникновения, конкретные формы проявления и пути эволюции национального вопроса в афганском обществе;
- осветить завоевательную политику афганского государства и вызванное ей сопротивление покоренных народов;
- определить экономическую роль национальных меньшинств и занимаемых ими территорий;
- изучить процессы консолидации национальных меньшинств и укрепление элит на севере страны в ходе гражданской войны;
- выявить в качестве факторов обострения борьбы со стороны пуштунов роль коллективной памяти в племенах и национальный характер афганцев;
- выяснить влияние процессов, протекающих в этносфере, на государственное развитие Афганистана.

Теоретико-методологическая база исследования прежде всего опирается на принципы и методологию системного анализа. Выделение важнейших элементов и связей системы и анализ их изменений позволяет рассматривать процесс развития системы как ряд сменяющих друг друга ее состояний. В этой связи в процессе работы автором активно применялись системный подход и комплексный анализ этнополитических процессов в Афганистане, институциональный анализ афганской государственности, метод обобщения, позволяющие наиболее полно определить и раскрыть этнонациональные предпосылки этнорегионального противостояния и тем самым наметить перспективы его прекращения.

Источнико-эмпирическая база исследования. При изучении национально-этнических проблем афганского общества оказали помощь труды отечественных ученых, посвященные истории Афганистана и сопредельных стран, а также этнографии народов, проживающих на территории современного Афганистана.

При рассмотрении вопроса о генезисе афганцев автор пользовался работами академика Б.А.Дорна, положившего начало изучению средневековой истории афганских племен в русском и европейском востоковедении. Материал о национальном составе населения Афганистана содержится в работах Н.А.Аристова «Об Афганистане и его населении» (СПб., 1898), В.В.Бартольда «Историко-географический

обзор Ирана» (СПб., 1903), М.Грулева «Очерк восстаний пограничных племен Индии за последние 10 лет» (СПб., 1909), П.А.Риттиха «Афганский вопрос». К этому же периоду относятся первые работы крупнейшего российского афганиста И.М.Рейснера («Независимый Афганистан». М., 1929). Очень много для изучения истории Афганистана сделал Ю.В.Ганковский. Его труды широко использовались автором при рассмотрении политики шахов Дурранийской державы «Империя Дуррани. Очерки административной и военной системы». М, 1958.

Наряду с использованием хроник, летописей, воспоминаний афганских политических и государственных деятелей, официальных документов, мемуаров, путевых заметок, отчетов и служебных докладов при исследовании истории пуштунов, их племенной организации значительную помощь оказали работы К.А.Лебедева «Афганский народ – паштуны» (М., 1997), М.А.Бабаходжаева «Очерки социально-экономической и политической истории Афганистана» (Ташкент, 1975). При изучении таджиков автор обращался к работе Р.Махмадшоева «Таджики в новое время» (М., 1989), узбеков – к книге Х.Хашимбекова «Узбеки Северного Афганистана» (М., 1994 и 1998).

Западная литература, затрагивающая различные аспекты истории и этнографии Афганистана, насчитывает довольно большое количество работ. При изучении пуштунов большую помощь оказали книги Дж.Робинсона (J.A.Robinson. Nomad Tribes of Eastern Afghanistan. Dehli, 1947), Акбара Ахмеда Pakistan Society. Islam, Ethnicity and Leadership in South Asia» (Karachi, 1986) и ДжСпейна (J.W. Spain. The Pathan Borderland. The Hague, 1963). Традиционные институты в пуштунских племенах рассмотрены в работе ФБарта (FBarth. Political Leadership among Swat Pathans. London, 1959).

Имеется также ряд работ афганских историков. Сведения о Бачао Сакао есть в книге Файз Мохаммад «Китаб-е тазаккор аль-енкелаб» («Книга упоминаний о мятеже»).

В диссертации также использованы материалы контактов автора со многими афганскими пуштунскими, таджикскими, узбекскими и хазарейскими лидерами, такими как С.М.Моджадедди, С.Гилани, А.Карзай, Н.Зазай, Дз.Джадран, Б.Раббани, М.Фахим, А.З.Масуд, А.Р.Достум, А.М.Халили, др.

Хронологические рамки исследования. Для выяснения современной ситуации требуется серьезный анализ исторических процессов в Афганистане. Продолжительность и жесточечность

конфликта свидетельствует о наличии старых, уходящих глубоко в историю, этнонациональных противоречий. Вместе с тем события последней четверти XX в., особенно после 1992 г., когда конфликт принял форму межэтнического противоборства, точнее, борьбы этнических элит за власть, более четко выявили некоторые этнополитические процессы и существующие в них противоречия. В ходе боевых действий предпосылки войны получили свое дальнейшее развитие. Поэтому хронологические рамки работы охватывают период от образования Дурранийской державы (1747 г.) вплоть до конца XX и начала XXI вв.

Основные результаты диссертационного исследования и их научная новизна.

В настоящей работе предпринята одна из первых попыток комплексного анализа этнополитических процессов в Афганистане, позволяющая выявить этнонациональные предпосылки гражданской войны и тем самым наметить перспективы ее прекращения. С этой целью автор серьезное внимание уделил исследованию влияния характера ландшафта и климатических условий Афганистана на изолированность ареалов обитания населяющих его народов и слабость процессов интеграции. Наряду с этим предпринят исторический анализ процессов, протекавших в регионе, так или иначе повлиявших на формирование полиэтничности этой страны, ибо территория современного Афганистана долгое время служила своего рода перекрестком миграций, военных вторжений, распространения культур и религий из стран Центральной Азии, Ирана в Индию. Новшество работы проявилось и в стремлении автора вычленить политические аспекты, оказавшие влияние на формирование афганской государственности, что нашло свое отражение в анализе национальной политики, которую высшее политическое руководство этой страны проводило в различные времена, а главное – какие последствия это имело для страны и институции государства в Афганистане в целом.

На базе полученных в ходе исследования результатов по вышеуказанным направлениям автор предпринял попытку составления психологического портрета пуштунской политической элиты, анализа менталитета этого народа, природы племенной организации у пуштунов и причин ее экстраполяции на уровень государственной власти в масштабах страны. В этой связи большая доля внимания была уделена психологической составляющей – коллективной памяти, – которая

оказывала и продолжает оказывать самое непосредственное влияние на политические процессы в Афганистане.

Все это, по мнению автора, весьма важно для понимания особенностей развития современного афганского общества и правильной оценки его главных политических сил.

Положения, выносимые автором на защиту и обладающие научной новизной:

1. Географические и этнические факторы оказались естественными причинами слабости центральной власти в Афганистане. Сложность горного рельефа Афганистана, разделенность страны хребтами Гиндукуша на пуштунский Юг и преимущественно непустунский Север, недостаток пригодных для жизни земель, принуждающие местное население концентрироваться в строго определенных экологических зонах, явились естественными препятствиями на пути политической консолидации Афганистана. Географическими и историческими условиями обусловлена этническая пестрота населения этой страны – в Афганистане проживает свыше десяти народов, несколько десятков мелких этносов, более ста племен и множество родоплеменных групп, и все они находятся на разных ступенях своего социо-экономического развития, – что также значительно усложняет процесс становления центральной власти в стране

2. Влияние пуштунской племенной организации на политическое развитие страны. Построение государства по принципу племенного объединения проявилось в реальной автономии пуштунских племен, предопределенной опорой центральной власти на кланы и силой племенных ополчений. Все это означает образование в Афганистане симбиоза государства и племен, представляющих по сути два центра власти.

3. Обострение конфликта в его этнонациональной форме. Обострение этнической борьбы в 90-х гг. XX в. было вызвано враждебностью отношений между титульным этносом и другими народностями, которая уходит корнями вглубь истории страны. Политика внутреннего колониализма породила множество межнациональных противоречий покоренных народов. Социально-психологическая обстановка в среде непустунов была накалена. В XX в. произошел рост национального самосознания этнических меньшинств. Указанные процессы получили ускорение в ходе гражданской войны, когда нестабильность и уменьшение численности

пуштунов позволили северной элите претендовать на власть в общенациональном масштабе. В свою очередь, борьба пуштунов за восстановление своего доминирования опиралась на механизмы коллективной памяти.

Научно-теоретическая значимость работы. Во-первых, определяется, прежде всего, тем, что в ней предпринят комплексный анализ роли этнического фактора в политическом строительстве афганского государства в контексте физико-географических и геополитических условий. Впервые в отечественной литературе выявляются особенности отношения номадов к государственной власти вообще и центральному правительству, в частности. Во-вторых, в условиях Афганистана этнический фактор в основном совпадает с цивилизационной принадлежностью или ориентацией. В результате противодействие пуштунов и таджикских, и узбекских массивов населения совпадало с разломом кочевник-земледелец, что осложняло возможность достижения взаимоприемлемого компромисса. В-третьих, геополитическое положение Афганистана, как буферного государства между вначале двумя мировыми империями, а затем 70 лет между двумя социально-политическими системами привело к тому, что к этническим противоречиям всегда примешивались геополитические, выражаясь в ориентации противостоящих сторон на ту или иную внешнюю державу, а они, в свою очередь, стремились культивировать имеющиеся противоречия в своих интересах.

Исследование проблем влияния этнического фактора в политической жизни Афганистана позволило показать эвристическое значение системного подхода, наиболее адекватно обозначить перспективы государственного строительства в Афганистане, что имеет и познавательное и практически-политическое значение и создает условия для выработки адекватной политики соответствующими органами нашей страны.

Практическая значимость исследования. Положения и выводы диссертации могут оказаться полезными в работе аналитических и территориальных подразделений МИД России и других заинтересованных российских министерств и ведомств, поскольку позволяет оценить современную ситуацию в Афганистане и перспективы ее развития, выработать позицию по отношению к противоборствующим сторонам этнорегионального конфликта и наметить контуры афганского направления политики России.

Апробация исследования. Основные положения и выводы диссертации обсуждались на кафедре национальных и федеративных отношений Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, были одобрены и рекомендованы к защите, а также опубликованы автором в ряде статей, в том числе в рецензируемых изданиях, включенных в перечень ВАК России.

Структура диссертации. Структура работы продиктована общей концепцией, логикой, целью и задачами исследования. Диссертация содержит введение, три раздела, заключение и библиографию.

II Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, анализируется степень ее разработанности, формулируются цель и задачи работы, определяются объект и предмет исследования, характеризуется научная новизна, излагаются теоретико-методологические основы, обосновывается практическая значимость работы и апробация ее результатов.

Первый раздел под названием «**Этногеографические факторы слабости государственной власти в Афганистане**», посвящен анализу географических и этнических факторов, а также ряду причин исторического характера, препятствовавших образованию в этой стране сильного центрального правительства.

Афганистан – одно из немногих государств мира, территория, которого представляет собой сложный горный рельеф. Приблизительно 4\5 ее поверхности занимают хребты и плоскогорья, равнины расположены лишь по периферии. Разделенный хребтами Гиндукуша на пуштунский Юг и преимущественно непуштунский Север, он не является цельной и однородной в физико-географическом отношении территорией, а представляет собой как бы конгломерат резко отличающихся друг от друга областей, охватывая ряд самодовлеющих районов, поставленных в разные климатические условия и до недавнего времени хозяйственно мало связанных между собой.

Подобная объективно сформировавшаяся разделенность затрудняет сообщение между различными частями страны, прежде всего между Севером и Югом, создавая препятствия на пути государственно-политического развития и усложняя проблему управления.

Помимо рельефа обособлению населения в небольшом количестве районов способствовал резко континентальный климат, характеризующийся большими сезонными перепадами температур, а именно: сухим жарким летом и холодной зимой. Все это заставляло местное население с давних времен концентрироваться в строго определенных экологических нишах – бассейнах четырех речных систем и узких сельскохозяйственных «карманах», зажатых в небольших горных долинах, что вместе с постоянной угрозой внешних вторжений создало особые социально-культурные системы, нацеленные на выживание в жестких природных условиях и способные обеспечить защиту за счет сохранения собственной замкнутости.

Таким образом, характер ландшафтов, климатические условия, недостаток пригодных для жизни районов на территориях, образовавших Дурранийскую державу, обусловили изолированность ареалов обитания населяющих ее народов, доминирование натурального хозяйства, слабость процессов интеграции и сложения общеафганского рынка.

Более того, сложность горного рельефа и недостаток пригодных для жизни земель предопределили социально-экономическую фрагментарность Афганистана. Это в частности обусловило неравномерность социально-экономического развития населяющих территорию Афганистана народов и племен, что привело к мозаичности, или негармоничности этносистем: один и тот же этнос оказывается разделенным на группы, стоящие на разных уровнях социального развития.

Пестрота расселения усугубляется административно-территориальным разграничением, проведенным рядом режимов вопреки этнографическим реалиям с целью подрыва самостоятельности местных лидеров (землевладельцев, шейхов, ханов племен). В результате, за исключением восточной приграничной зоны, компактно населенной пуштунскими племенами, ни одна провинция страны не была этнически однородной.

Но решающее значение для складывания этнического разнообразия имело то обстоятельство, что территория современного Афганистана, будучи воротами, из Средней Азии и Ирана в Индию, служила вплоть до конца позднего средневековья перекрестком миграций, военных вторжений, распространения культур и религий. Исторически сложилось так, что страна была населена разнообразными народностями и переходила в руки многих властелинов. На протяжении

десятков веков Афганистан был ареной движения народов из Центральной Азии на территорию Индии, Ирана, Белуджистана и реже – в других направлениях. Ассирийцы, мидийцы, персы, греки, скифы, парфяне, кушаны, гунны, турки, арабы, монголы последовательно сменяли друг друга на этом пути. Одни этнические группы оставались и смешивались с местными народностями, другие шли дальше. Отсюда пестрота и мозаичность национального состава населения, по которой в Передней Азии с Афганистаном может сравниться только Иран. На современной территории страны проживают афганцы (самоназвание – пуштуны), таджики, узбеки, туркмены, джемшиды, белуджи, хазарейцы и др., не считая многих мелких этнических групп. Афганцы, давшие свое название государству, составляют около 55% населения.

Картину дополняет вызванный отмеченными выше географическими и историческими условиями комплекс религиозных, языковых и культурных различий, проходящих не только по границам этносов, но и внутри них.

Если ко всему вышесказанному добавить дробность и противоречия во всех сферах общественной жизни, то к афганскому обществу вполне применим термин «сегментарное», когда сосуществуют различные типы социальных связей и действуют множество этнических, племенных, конфессиональных, профессиональных, политических и иных общностей.

Ситуация осложняется и тем, что административные границы нарезаны без учета расселения этносов, точнее, с целью разделения их, как это обычно делает государство. В итоге нет ни одной провинции, кроме восточных и юго-восточных, населенных пуштунами, которая не характеризовалась бы этнической пестротой.

Решающую роль в образовании Афганистана в его современных границах сыграло его положение буферного государства между Британской и Российской империями, в результате чего границы были проведены извне, оказавшись оторванными от фактических свойств местности, что не способствовало формированию условий для стабильного контроля военно-политического центра над всей территорией страны, не создавало предпосылок процесса политической интеграции. Кроме того, границы разделили многие родственные народы.

Во втором разделе, озаглавленном «Роль племенной организации пуштунов в государственном строительстве»,

исследуются как свойства афганского государства, которые ему придала племенная организация пуштунов, так и сама эта организация.

Афганское государство было создано афганцами (пуштунами), точнее, группой афганских племен, подчинивших на заселенных ими к тому времени территориях местное население индийского, тюркомонгольского и иранского происхождения. Вследствие этого они заняли доминирующее положение в новом государстве, сохраняя свою племенную организацию, оказавшую влияние на всю политическую систему страны. Данное обстоятельство вызывает повышенный интерес к особенностям пуштунских племен и их роли в политическом развитии страны. Речь, в частности, идет об институтах хана и малика, об образовании своеобразного симбиоза государства и племен.

На практике это означало, что ханы адалтировали к новым условиям старые родоплеменные институты, и основу социальной организации составили родственные связи и преданность семье. Местные сообщества, формируемые отношениями патроната, привели к образованию фрагментарной социально-политической системы афганского общества, когда вокруг сильных личностей – ханов – в соответствии с их престижем неминуемо складывалось как поле притяжения, так и отношения зависимости и преданности. Сообщество пронизывает все политические структуры и проходит через все политические партии и объединения, превращая их во всего лишь надстройку над собой. Оно характеризует властные отношения во всем социуме, в частности, позицию депутатов парламента и статус падишаха. Выполнение функций патрона по отношению к различным общественным группам внутри страны вынуждало афганское руководство становиться клиентом зарубежных государств. Таким образом, общности (каумы) оказались распространены на все общество, а племенной институт хана стал характеризовать положение шаха и правящей элиты. Никакие социальные потрясения не только не изменили подобный порядок, но лишь укрепили его, что никак не содействовало эффективному государственному строительству.

Данными обстоятельствами во многом определяется политический и общественный климат в стране: массы тяготеют не только к идеям, а к лидерам. Население верит сильным личностям. Именно они становились полевыми командирами. Вооруженные отряды создавали те, кто имел средства и перераспределял их в пользу своих сторонников. Замкнутые сообщества и кланы со своими независимыми и специфическими устоями повседневной жизни традиционно

представляют собой наиболее серьезную преграду на пути эффективного государственного строительства в Афганистане, поскольку действуют не политические и им подобные факторы, а отношения родства и патронажа, что разъедает государство. На эту сеть накладываются такие виды личного взаимодействия, как учитель и ученик в среде богословов, а также пир и мюрид в суфийских орденах. Все это определяет раздробленность общества, а также расколы всех политических партий. Разумеется, главную роль в этом процессе играют каумы, ибо они пронизывают политическую систему и даже общество в целом, проходят через политические партии и объединения, превращая их во всего лишь надстройку над собой.

Роль афганского государства до событий 1978 г. во многих его проявлениях можно охарактеризовать как положение племенного вождя-хана, самофинансирующегося общественного слуги, использующего свое богатство и влияние на благо общины, поддерживающего равновесие и взаимодействие на более высоком уровне между различными социальными и этническими группами в масштабах страны – в значительной степени с использованием исторического опыта ханского руководства и его ролевых функций временно делегированного обществом властителя над общественными группами и одновременно посредника между ними.

Выполнение функций патрона по отношению к различным общественным группам внутри страны вынуждало афганское руководство становиться клиентом зарубежных стран. При этом государственная элита действовала как этнически стратифицированная иерархия посредников между державами, предоставившими ресурсы, и группами, получавшими благодеяния патрона. Вызванная этим политическая фрагментарность, как населения, так и элиты, означала, что элита старого режима не имела ни политической, ни организационной базы для отпора оппозиции. Структура старого режима навязывала модель этнической стратификации разнородным и фрагментарным местным сообществам. Подобное положение дел сохранилось также и в годы гражданской войны, когда противоборствующие стороны имели каждая своих патронов.

Постепенное разложение «ханского государства» и возрастающее противопоставление госаппарата и армии племенам связаны, в частности, с укреплением позиций городской буржуазии, усилением ее влияния на государственную власть и одновременным ослаблением воздействия на нее племенной организации. Однако социальные

потрясения последней четверти XX в. не только вернули все на круги своя, но и укрепили прежний порядок вещей.

В частности, помимо института хана единство и выживаемость племени обеспечивается такими чертами последнего, как примат родственных отношений, жесткость социальной структуры, иерархия, выражающаяся в том, что лишь члены племени участвуют в джирге (собрании) и только пуштуны имеют привилегию носить оружие, безусловное подчинение младшего старшему и рядового руководителю, наследование только по мужской линии, эндогенные браки и наличие важнейшего идеологического регулятива в виде кодекса чести.

Существование в рамках племени собственной независимой от государства системы социальной регуляции, основанной на традиции (и, как правило, включающей элементы господствующей религии), означает, что племя альтернативно государству. Последнее для членов племени бесполезно, т.к. все его основные функции (поддержание социального порядка, организация хозяйственной жизни, оборона, разрешение спорных вопросов и т.п.) на определенном уровне социально-экономического развития общества племенная организация выполняет более эффективно, чем государственная власть, причем со значительно меньшими экономическими издержками. Последнее обстоятельство более чем существенно для кочевых и горских народов, чьи экономические ресурсы, как правило, весьма ограничены. Соответственно в племенном самосознании любая, а не только иноэтническая, государственная власть выступает как чужая и почти всегда враждебная сила. С точки зрения пуштуна, государство находится на периферии, где распадается привычный для него мир. Племя рассматривается как созданное еще при сотворении этого мира, а государство есть лишь инверсия «племени». Если ему нельзя противостоять, то к нему лучше адаптироваться, сохраняя определенную дистанцию.

Таким образом, государство и пуштунские племена являются взаимопроницающими социально-политическими феноменами. Племена находятся во взаимосвязи с государством не как с неким монолитом, а с его составными частями. Иными словами, в Афганистане, как, например, и в Северном Йемене, сложилось особое политическое образование – симбиоз государства и племени (как самостоятельных «политических» единиц и форм организации политического пространства), или, точнее, как отмечалось выше, государство продолжало сохранять черты племенного объединения.

Государственная власть, по сути, не достигла племен. Исторически сложился дуализм власти – центрального правительства и племен, обладавших известной долей самоуправления. Государство и племя не смогли подавить одно другого, в итоге стали поддерживать и опираться друг на друга. Концептуально находясь в отношениях противостояния, на практике афганское племя и государство диалектически связаны как части целого и настолько же противоречиво взаимодействуют, поскольку по сути своей и в своих элементах разнородны. Конкретно это проявлялось в том, что племена обладали особыми отношениями с Кабулом, ревностно ограждали свой жизненный уклад, будучи способны быстро мобилизоваться для его защиты. Районы, населенные пуштунами, составляли известный политический противовес Кабулу. Попытки центральных властей посягать на полунезависимый статус племен приводили к серьезным социальным потрясениям, порою принимавшим масштабы и характер национальных катаклизмов. Отсюда слабость центрального правительства и неудачи его реформ. Сохранение племенной структуры тормозило любые новшества, генерировавшиеся Кабулом. Контроль центральной власти был настолько слабым, что в ряде районов даже не было местных органов власти, представлявшие Кабул, административные функции выполняли ханы племен и главы кланов, опираясь не только на силу, но и на авторитет и традиционные нормы.

В третьем разделе – «Влияние этнического фактора на политические процессы в Афганистане в конце XX – начала XXI вв.» – рассматриваются причины внутривнутриполитического конфликта, обусловленные в первую очередь взаимоотношениями населяющих Афганистан этносов.

Так, в ходе исследования было установлено, что в 90-х гг. XX в. усиление деградации обстановки в Афганистане способствовала взаимная враждебность между титульным этносом и другими народностями, уходящая своими корнями вглубь истории этой страны. Эта враждебность оказывается связанной с афганской политикой т.н. внутреннего колониализма, которая берет свое начало с первых лет существования афганского государства. Одним из ее последствий стало перераспределение земельной собственности в пользу пуштунов, а также дискриминационная налоговая политика по отношению к местному населению, большинство которого составляли таджики и узбеки.

На всем протяжении истории Афганистана происходили восстания и выступления этнических меньшинств. Социально-психологическая обстановка в среде непштунов была накалена. Все это в значительной мере способствовало росту социальной напряженности и послужило одной из причин обострения этнонациональной борьбы.

Тем более что в XX в. произошел рост национального самосознания этнических меньшинств, чему способствовали тенденции буржуазного развития страны, а также сравнительно богатый ресурсный потенциал севера Афганистана.

Здесь достаточно отметить, что благодаря обнаружению в северных провинциях значительных запасов полезных ископаемых, созданию там промышленной и энергетической базы возросла роль данных районов и народностей, их населяющих. Опираясь на столь мощный ресурсный, индустриальный и культурный потенциал, эти народности и их элита имели возможность быстро развиваться и консолидироваться.

Постепенное укрепление непштунской элиты привело к более явному оформлению этнического движения, в частности таджиков, во времена политического кризиса конца 20-х годов, когда впервые за всю историю Афганистана власть в Кабуле временно захватил таджик Хабибула Калакани, известный как Бачаи Сакао. За исключением узбеков и некоторых пуштунских кланов, восстание Бачаи Сакао было моноэтническим – таджикским, причем в нем участвовали не только крестьяне, но и мелкие и даже крупные феодалы.

Несмотря на поражение Бачаи Сакао, руководимое им восстание еще более укрепило северную элиту. Хотя ее попытка положить конец доминированию группировки элиты дуррани в Афганистане была пресечена пуштунами, но после этих событий реальная власть на севере страны стала принадлежать представителям той или иной этнической, субэтнической или территориальной общности (кланов, общин, племен).

Следующий этап роста национального самосознания и национальных элит приходится на 40-е и особенно 60-е годы, когда активно создаются политические группы и партии. Так, на парламентских выборах 1969 г. местная элита, то есть представители имущей верхушки таджиков, узбеков и туркмен впервые приняли активное участие в политической жизни и потеснили политически доминировавших на севере пуштунов.

Углубление в ходе гражданской войны ее этнических предпосылок способствовало усилению ожесточенности борьбы.

Наиболее крупными оппозиционными партиями в Афганистане, ведущими борьбу с тогдашним режимом НДПА являлись Исламская партия Афганистана во главе с Г.Хекматьяром и Исламское общество Афганистана во главе с Б.Раббани. Лидеры оппозиционных партий пытались привлечь на свою сторону население страны, выдвигая свои программы и опираясь на определенные этнические группы и слои населения. Так, Г.Хекматьяр говорил о единой мусульманской общине без всяких различий, что объясняется тем, что он не пользовался авторитетом в традиционных областях расселения пуштунских племен из-за того, что жил на севере Афганистана. Б.Раббани выражал в основном интересы таджикского населения, так как являлся таджиком и не пользовался популярностью у пуштунов. А.С.Моджаддиди и М.Наби Мухаммади (мюрид Ибрагима Моджаддиди – члена клана Моджаддиди) выражали взгляды и интересы не столько пуштунов, сколько своих кланов, а масштабы их деятельности ограничивались довольно узким кругом последователей.

В середине 80-х годов вооруженные движения национальных меньшинств стали постепенно переходить на местный уровень. Эта тенденция особенно стала заметна после вывода советских войск. При этом среди них стало проявляться стремление к полному обособлению с угрозой дезинтеграции Афганского государства.

Одновременно противостояние военных структур переросло в межнациональную рознь среди гражданского населения. Крайне негативно воспринимали нацменьшинства попытки пуштунского руководства страны расселять на территории северных провинций возвращавшихся из Пакистана и Ирана афганских беженцев с предоставлением им льгот при получении земельных наделов.

События в северных районах страны оказывали дестабилизирующее воздействие на обстановку в Кабуле, 70% населения которого составляли нацменьшинства. Среди различных слоев населения и военнослужащих отмечался рост националистических настроений, угрожавших перерасти в межнациональные столкновения.

В этих условиях командиры племенных пуштунских подразделений стали устанавливать контакты с оппозицией с целью организации противодействия возможным вооруженным выступлениям нацменьшинств.

Указанные процессы получили ускорение, когда нестабильность и уменьшение численности пуштунов позволили северной элите претендовать на власть в общенациональном масштабе, а на севере были созданы политические и военные организации, которые за 20 лет боевых действий превратились в хорошо организованные, боееспособные силы. Целое поколение выросло в условиях фактической независимости этого региона. Все это вызвало взрыв национального самосознания народов северного Афганистана. Практически все районы их проживания имели все признаки государственного образования. Жители севера страны просто так не желали отказываться от своих завоеваний и богатых ресурсов, а элита – от власти.

Однако захват власти в Кабуле в апреле 1992 г. непуштунскими группировками не мог не вызвать ответной реакции пуштунов, которая, как думается, и проявилась в деятельности Движения талибов, костяк которого составили учащиеся пакистанских медресе из числа афганских беженцев. Пуштунские националисты не могли смириться с непропорционально большим, по их мнению, представительством в созданных органах государственной власти национальных меньшинств.

При этом новое правительство во главе с таджиком Б.Раббани оказалось слишком слабым. Децентрализация власти привела к возникновению ряда фактически самостоятельных административно-территориальных образований. Так, А.Масуд контролировал северо-восток страны, А.Р.Достум – четыре северные провинции, губернатор Герата Исмаил-хан – пять западных провинций. В некоторых районах власть делили коалиции полевых командиров, представлявших различные политические группировки моджахедов. Эта власть базировалась на принципе «Кто здесь сильнее».

В 1994 г. различные силы (партии, движения) объединяются по национальному признаку, и их прежние политические и религиозные взгляды теряют значение. Борьба различных группировок все больше превращалась в межэтническое противостояние. А в октябре того же года свое победоносное шествие по Афганистану начали талибы.

Разумеется, что на этапе его создания важнейшим был внешний фактор. Вместе с тем на этапе борьбы за распространение своей власти на весь Афганистан, определяющую роль в действиях талибов сыграл этнонациональный фактор, точнее, особенности этнической психологии пуштунов, в частности, их коллективная память о прежней власти в государстве.

Сохранение племенной организации пуштунов означает также сохранение важнейших свойств племени, одним из которых выступает мифологическое мышление его членов. Главной чертой его является непрерывное означивание, создающее символический универсум. Данная процедура выступает основным механизмом регулирования жизни в племени. Дело в том, что племя придает значение, смысл каждому событию окружающего мира, в том числе природному. Поэтому каждая вещь имеет множество смыслов. Любое событие становится неким знаком и символом, не допускается ни одно событие, которое не было бы предварительно означено. В таком сообществе не бывает никаких изменений. Каждое событие вписывается в историю племени. Неотъемлемой частью преданий становится рассказ обо всем значительном, что произошло на земле и в мире вплоть до сотворения последнего. Но чтобы племя могло осуществлять такие процедуры, оно должно обладать колоссальной памятью. Любое событие перекодируется в рамках этой памяти. Особенно велика в этом отношении роль рассказов и песен. Именно они обеспечивают приобщение все новых поколений к истории племени, осуществляя тем самым передачу традиции. Таким образом, коллективная память оказывается главным средством обеспечения выживаемости племени. Тогда становится понятным, почему так живуча среди афганцев память о том, что Афганское государство в его нынешних границах было создано и управлялось их предками.

Память о прежнем господстве предопределила и то обстоятельство, что с самого момента возникновения движения талибов пуштунская национальная идея, наряду с фундаментальным исламом, стала главным его приоритетом. Талибы сделали ставку на национальные чувства пуштунов, заявляя, что они, главенствующая нация в Афганистане, должны играть не просто доминирующую, определяющую роль в жизни страны, а имеют также право диктовать свое представление об истинно национальном государстве, формах и методах его функционирования.

Поэтому до тех пор, пока сохраняется в памяти пуштунов представление о том, что афганское государство было создано и управлялось их предками, они будут продолжать борьбу за распространение своей власти на всю страну. А отсутствие государства, способного выступать с надэтнических позиций, пресекая эгоизм этносов, ведет к тому, что в условиях усиления этнических элит борьба

будет идти, пока не установится и не будет принят большинством участников конфликта новый баланс сил.

Устремленность пуштунов к установлению своей власти над всей территорией страны подпитывается также и воинственностью афганцев, являющейся важнейшей особенностью национального характера. Культ оружия и чести – парадигма сознания афганцев. Каждый помнит слова Хушкаль-хана Хаттака: «Если ты не любишь оружия, тогда не называй себя мужчиной». В соответствии с древней традицией ношение оружия для пуштунов столь же обязательно, как, например, и ношение чалмы. Об их отношении к оружию говорит известная афганская пословица: «Для женщин – украшение, а для мужчин оружие не в тягость».

К другим не менее важным этнопсихологическим особенностям характера пуштунов следует отнести любовь к свободной, самостоятельной жизни, гордость (граничащую с высокомерием), командирский комплекс; эмоциональность, гостеприимство, религиозность. На формирование этих черт оказал значительное влияние историко-географический фактор. Суровые условия существования в стране, 4/5 территории которой покрыто горами, создавали трудности общения, развивали в пуштунах выносливость и неприхотливость, упорство и настойчивость в достижении цели. Неоднократные набеги чужеземных завоевателей добавили к названным выше чертам воинственность и презрение к смерти.

Как бы то ни было, но националистические амбиции пуштунов (талибов), дополненные практикой этнических чисток на подконтрольной им территории, натолкнулись на возросшее и подкрепляемое военными успехами чувство национального самосознания и самоуважения непуштунских этнических групп, населяющих Афганистан. Они отнюдь не стремились вернуться к временам, когда пуштуны были привилегированной частью населения. Помимо этого, северная элита, обладавшая всей полнотой власти на контролируемой ею территории, опасалась ее потерять в случае окончательной победы талибов.

Продолжавшийся накал этнических противоречий объяснялся не только консолидацией этнических меньшинств севера и укреплением их элит, но и превращением в результате фактического распада государства этнических, точнее, этнических и семейных отношений, имеющих биологические корни, в основные общественные связи, а этнического фактора в основную политическую силу. А это означает высокую степень конфликтности, ибо любой этнос стремится к

самосохранению и расширению, для патриархального сознания главным является деление на своих и чужих, враждебное отношение ко всему внешнему. Тем более это характерно для Афганистана, где в сфере межэтнических взаимоотношений накопилось огромное количество взрывного материала.

Попытки же талибов силой оружия распространить свое влияние на весь север Афганистана окончились неудачей.

В **Заключении** излагаются главные выводы диссертационного исследования, которые базируются на выявленных в ходе работы базовых характеристиках этнонациональной сферы афганского государства, повлиявших и продолжающих влиять на процесс политического строительства в этой стране.

В частности, слабость центральной власти в Афганистане связана с его сложными географическим рельефом и климатом, повлиявшими на изолированность проживающих в этой стране этносов. Исторические факторы предопределили наличие большого числа этнических групп, населяющих эту страну, проведение несоответствующих сложившимся этносистемам административных и государственных границ, а также различную степень их социо-культурного и экономического развития. При этом доминирующее влияние на политическую систему афганского государства оказала и продолжает оказывать сложившаяся под воздействием вышеупомянутых факторов племенная организация у пуштунов – титульной нации Афганистана. Главной же причиной нестабильной внутривнутриполитической ситуации и обстановки в области политического строительства в XX в. в Афганистане стал межэтнический конфликт, причины которого имеют исторические корни, и связаны они как с проводимой пуштунской элитой политикой внутренней колонизации, так и с особенностью племенной организации у пуштунов, в частности в связи с таким явлением как «коллективная память».

Основные положения диссертационного исследования изложены в следующих публикациях автора:

Научные статьи, опубликованные в журналах, рекомендованных перечнем ВАК России (включая работу, опубликованную под псевдонимом «С.Веревкин»):

1. Ханеев М.В. Межэтнический конфликт в Афганистане. Азия и Африка сегодня. М., №12, 2008, - 1,4 п.л.;
2. (Ханеев М.В.) Веревкин С. Талибан возрождается. Азия и Африка сегодня. М., №9, 2003. – 0,6 п.л.

Публикации в иных изданиях (под псевдонимами С.М.Веревкин и М.В.Веревкин):

1. (Ханеев М.В.) Веревкин С.М. Афганистан: о реализации токийских договоренностей. //Сборник статей Института изучения Израиля и Ближнего Востока «Ближний Восток и современность», М., №16, 2003 – 0,3 п.л.;

2. (Ханеев М.В.) Веревкин С.М. Внутриполитическая обстановка в Афганистане после проведения Лоя Джирги. //Сборник статей Института изучения Израиля и Ближнего Востока «Ближний Восток и современность», М., №16. 2002 – 0,3 п.л.;

3. (Ханеев М.В.) Веревкин М.В. Движение талибов на современном этапе. //Сборник статей Института изучения Израиля и Ближнего Востока «Востоковедный сборник», М., №5. 2003 – 0,5 п.л.

Объем научных публикаций автора по теме исследования – 3,1 п.л.

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Ханеев Максим Вячеславович

Тема диссертационного исследования:

**«Этнический фактор в политическом строительстве
афганской государственности»**

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Гаврилов Юрий Николаевич

Изготовление оригинал-макета
Ханеев М. В.

Подписано в печать « 27 » сентября 2010 года. Тираж 80 экз.
Усл. п.л. 1,2.

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Российская академия государственной
службы при Президенте Российской Федерации»

Отпечатано ОПМТ РАГС. Заказ № 351.

119606, Москва, пр-т Вернадского, 84.